
Другъ Саратовскихъ семинаристовъ, самоучка-поэтъ, Иванъ
Григорьевичъ Воронинъ.

СОЧИНЕНІЕ

Священника А. Лунина.

Поэтъ-самоучка, И. Г. Воронинъ, именемъ котораго
мы озаглавили нашу статью, выдвинуть былъ на литератур-

ное поприще саратовскими семинаристами 60-х годовъ прошло вѣка, съ которыми онъ велъ знакомство и дружбу. Сначала это былъ бѣдный калачникъ, торговавшій калачами, за прилавкомъ, на „пѣшемъ базарѣ“, по найму отъ хозяина за 120 руб. въ годъ, къ которому приходили семинаристы за покупкою калача, приносили ему для чтенія книгъ, разговаривали съ нимъ, возбуждая въ немъ интересъ къ наукѣ и литературѣ. Сами семинаристы были очень оживлены, по случаю прибытія новаго ректора, давшаго новое направленіе семинаріи. Этимъ лицомъ былъ архимандритъ Никаноръ, отличный педагогъ, извѣстный проповѣдникъ-ораторъ, впоследствии архіепископъ Херсонскій. До него семинаристы читали книгъ мало, да и библіотеки почти не было. Нельзя же назвать библіотекой нѣсколько разрозненныхъ томиковъ, къ которымъ, за ихъ устарѣлостью и непригодностью, рѣдко кто прикасался. Онъ увидѣлъ, что семинаристы очень неразвиты, и это, по его мнѣнію, происходило отъ того, что они только учили наизусть одни учебники, не передавая ихъ своими словами, не читали книгъ, были запуганы дурнымъ обращеніемъ, тѣлесными наказаніями. Розги еще не выведены были тогда изъ употребленія, не только изъ училищъ, но и изъ семинаріи, въ низшихъ отдѣленіяхъ. Арх. Никаноръ уничтожилъ розги, ввелъ лучшее обращеніе, поощрялъ чтеніе книгъ, поставивъ во главѣ такихъ писателей, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь. Не мудрено поэтому, что семинаристы этого времени *) были болѣе развиты, чѣмъ ихъ предшественники. Арх. Никаноръ, вмѣстѣ съ корпораціей преподавателей, выписывалъ много періодическихъ изданій духовнаго и свѣтскаго характера, а потому не мудрено, что книжка какого-либо журнала попадала въ руки семинариста и шевелила его мысль.

Кромѣ калачей Воронинъ предлагалъ семинаристамъ почитать свои „стишки“, которые вначалѣ были далеко не-

*) 1858—1864 гг.

совершенны и просилъ ихъ указать на ихъ недостатки. За этимъ дѣло не останавливалось. На стихахъ Воронина появлялись критическія замѣтки и отзывы смѣлой, дружеской руки; указывалось на неточность выраженій, несоблюденіе стопъ и размѣра. Все это Воронинъ забиралъ въ голову, исправлялся, начитывался, развивался. На первыхъ порахъ онъ зачитывался сочиненіями Пушкина, Жуковского, Лермонтова и Кольцова. Къ прочитанному Воронинъ, впрочемъ, относился критически и книгѣ не довѣрялъ на слово. О Кольцовѣ онъ выражался, что этотъ поэтъ пишетъ ужъ слишкомъ просто, что эдакъ всякій можетъ написать. Въ Лермонтовѣ ему не нравилось увлеченіе его байронизмомъ, пропитаннымъ, какъ извѣстно, тоскою, отчаяніемъ и безвѣріемъ. Въ только что начавшейся своей литературной дѣятельности Воронинъ пользовался полнымъ сочувствіемъ семинаристовъ, которые вѣрили въ его будущій поэтический даръ и поощряли его. Но за то, съ другой стороны, отъ своихъ родныхъ и сосѣдей-калачниковъ онъ терпѣлъ много обидъ и порицаній за свое скромное, благородное занятіе. Люди эти чуть не каждый день ворчали на него: „что ты бродишь по ночамъ-то? Отъ дѣловъ отбиваешься... Съ писаками, вишь, дружбу свелъ... бумагу мараешь тоже... Какою тутъ толкъ будетъ?“ Или въ другомъ родѣ: „Хоть ты и книги читаешь, писателемъ хочешь быть, а тебя ковырни, все отъ тебя мужикомъ пахнетъ!“

Воронинъ очень тяготился своимъ положеніемъ. Онъ душевно рвался на просторъ; та нравственная атмосфера, въ которой онъ вращался, ему казалась удушливой, мертвящей. Одно спасало его отъ нравственной порчи—это знакомство съ семинаристами, чтеніе книгъ и особенно библіи. Надъ чтеніемъ библіи онъ проводилъ свободные вечера и духъ его укрѣплялся въ вѣрѣ и доброй нравственности.

Благодаря помощи добрыхъ людей, Воронинъ скоро выбился изъ своихъ трудныхъ обстоятельствъ, протистившись на-

всегда съ калачнымъ столикомъ. Съ весны 1860 г. началось его плаваніе по Волгѣ, сначала въ качествѣ баржевого-приказчика, а потомъ довѣреннаго лица по пароходству, обрѣту съ своей любящей, кроткой женой, Анной Матвѣев-ной, которая хотя и не училась грамотѣ, но природнымъ умомъ понимала значеніе литературныхъ трудовъ своего мужа. Съ радостью, съ свѣтлой надеждой на обновленіе своего духа и жизни пустился Воронинъ плавать по великой русской рѣкѣ. Ея широкое раздолье, лазурныя воды, высокія береговыя горы, окаймленныя зеленѣющимъ лѣсомъ не разъ вдохновляли его и онъ писалъ свои теплыя, душевныя стихотворенія, которыя тотчасъ пересылалъ своимъ друзьямъ-семинаристамъ изъ далекаго плаванія. Вотъ одно изъ тѣхъ стихотвореній, которыя онъ пересылалъ съ береговъ Волги (приводимъ его въ сокращеніи *).

На пароходѣ.

Мая 15—1860 г. Жигули.

Дымить, несется пароходъ,
 Шумя игривыми волнами,
 Межъ дикихъ скалъ, долинъ и горъ,
 Подъ голубыми небесами...
 Тамъ городъ мимо пронесется,
 А тамъ село и храмъ мелькнетъ
 И сердце радостно забьется
 И грудь свободно такъ вздохнетъ.
 Раскинулись широко нивы,
 Труды святыя мужичковъ;
 Тамъ, будто зеркало, заливы,
 Подъ тѣнью сумрачныхъ лѣсовъ.
 По зеленѣющимъ лугамъ

*) Во время плаванія по Волгѣ, Воронинъ, между прочимъ, познакомился съ инспекторомъ инородческихъ школъ Н. И. Золотницкимъ, который сердечно отнесся къ нему, одобрявъ его стихотворенія. При участіи этого почтеннаго дѣятеля напечатана была въ 1870 г. въ Казани первая книжка Воронина въ количествѣ 40 стихотвореній.

Стада привольныя пасутся
 И пѣсни грустныя несутся
 По дальнимъ Волжскимъ берегамъ.
 А вотъ по берегу пробита
 Тропа печальныхъ бурлаковъ,
 Гнетущей бѣдности рабовъ
 И потомъ, кровью ихъ облита.
 Тутъ гибли невозвратно силы,
 Проклятыя слышались судьбѣ.
 Вотъ на пригоркѣ двѣ могилы,
 Приютъ трудовъ, покой борьбѣ.
 Все сердцу дорого въ тебѣ,
 Моя отчизна дорогая, —
 Просторъ полей твоихъ родныхъ
 И эта тишь кругомъ нѣмая;
 Въ сердцахъ сыновъ твоихъ простыхъ
 Вѣдь силы мощныя таятся.
 Когда въ грядущемъ озарятся
 Свободой, братствомъ дни твои,
 Подъ солнцемъ правды и любви,
 Тогда твои, о Волга, волны
 Величьемъ славы будутъ полны:
 Умолкнуть стоны бурлаковъ,
 Дорожка заростетъ травою,
 И пѣснь ликующихъ сыновъ
 Промчится, Волга, надъ тобою.

Но прелестные виды Волги не долго утѣшали Воро-
 нина. Впечатлѣнія эти стали покрываться дымкою тумана;
 на душу надвигались мрачныя мысли и думы; одиночество
 печалило его, „безцѣльная“ жизнь убивала. Вотъ что онъ
 писалъ:

Душа томится и тоскуетъ,
 Умолкла пѣснь моя давно;
 А Божій міръ живетъ ликуеть

И величаво и полно.
Но этой жизнью благодатной
Отраднo духъ мой не живить.
И предъ житейскою волною,
Стою, поникнувъ головою,
Безцѣльной жизни убитъ.
Молиться, вѣры нѣтъ глубокой,
И нѣтъ друзей и нѣтъ враговъ.
Брожу печальный, одинокій
Вокругъ родимыхъ береговъ.

А вотъ еще одно стихотвореніе, въ которомъ Воронинъ рисуеъ свое безвыходное, отчаянное положеніе при столкновеніи съ тою средою, на берегахъ Волги, въ которой онъ вращался. Это стихотвореніе носитъ заглавіе „Новый годъ“.

Прошелъ еще тяжелый годъ;
Другой встрѣчаю молчаливо.
Ты вѣстникъ счастья, иль невзгодъ?
Или, какъ тотъ, пройдеши тоскливо
Среди безсмысленныхъ заботъ
И мелочныхъ, и бесполезныхъ,
Въ кругу матросовъ бѣдняковъ,
Забитыхъ горькою нуждою
И русскихъ бравыхъ молодцовъ,
Взлелѣянныхъ родной рѣкою,
Широкоплечихъ лоцмановъ;
Красивыхъ, статныхъ, смуглолицыхъ
Нижегородцевъ удалыхъ,
Купчихъ надутыхъ, круглолицыхъ
Бездушныхъ, наглыхъ и пустыхъ;
Въ кругу прикащиковъ любезныхъ
Съ красивымъ почеркомъ пера,
Тузовъ богатыхъ, бесполезныхъ
Для славныхъ подвиговъ добра.

Ихъ дѣль пуста; ихъ назначенье
Одно богатствъ пріобрѣтенье
Ихъ вѣчный двигатель души,
Ихъ идолъ—деньги, барыши;
Святыя чувства гражданина
Не волновали сердца имъ;
Борьба, народная кручина
Не сродны пошлымъ и пустымъ.
Темна среда!.. Придутъ ли годы,
Когда на праздникъ свободы
Ты, вдохновенье, посѣтишь
Мой духъ, подавленный невзгодой,
Его отрадой исцѣлишь?
О, тяжело мнѣ!.. Провидѣнье!
Пошли, пошли мнѣ утѣшенье!
Ужъ я усталъ въ борьбѣ съ судьбой;
Меня ожесточили люди
Своею злобой мелочной.
И гаснетъ свѣтъ безслѣдно въ груди,
Зажженный, Господи, Тобой.
Не нужно славы и богатства
Съ ихъ лъстивой, горькой суетой;
Любви желаю, свѣта, братства,
Съ ихъ благодатной тишиной.
Блеснетъ ли мнѣ вашъ лучъ небесный,
Или печальный и безвѣстный,
Съ тоской въ душѣ я какъ нибудъ
Окончу свой тяжелый путь?

Въ послѣдніе годы своей жизни Воронинъ находился въ Астрахани, въ услуженіи у купцовъ Башкировыхъ, въ качествѣ довѣреннаго лица, съ приличнымъ окладомъ жалованья. Въ матеріальномъ отношеніи онъ былъ обезпеченъ; но непрерывныя занятія его торговыми дѣлами и соединен-

ныя съ ними душевныя волненія и безпокойства надорвали его здоровье и послужили причиною появленія въ немъ чахотки, которая и свела его въ могилу въ июнѣ 1883 г. въ г. Пятигорскѣ, гдѣ онъ въ то время лечился. Предъ смертью онъ былъ напутствованъ св. тайнами и соборованъ свящ. елеемъ. Отъ роду ему было около 47 лѣтъ.

Надъ могилою поэта любящая супруга его поставила памятникъ.

Чтобы полнѣе обрисовать личность Воронина, обратимся къ періоду его дѣтства и юности и той обстановкѣ, въ которой протекала его первоначальная жизнь. Будемъ писать объ этомъ согласно воспоминаніямъ самого Воронина, изложенныхъ въ статьѣ его „Изъ писемъ къ издателю“, напечатанной при первомъ изданіи его стихотвореній въ 1879 г.

Отецъ Воронина, Григорій Матвѣевичъ, былъ государственный крестьянинъ с. Дурного, Пронскаго у., Рязанской губ., переселившійся въ Саратовъ, по случаю сильныхъ неурожаевъ. Онъ переселился сюда со всей своей семьей и съ малымъ достаткомъ, оставшимся отъ продажи домишка, лошади, коровы и прочаго скарба. Семья его состояла изъ жены и троихъ дѣтей—дочери и двухъ сыновей. По предкамъ своимъ онъ происходилъ изъ духовнаго званія, но почему вышелъ изъ него—неизвѣстно. Быть можетъ, причиною тому была его малограмотность. Жена его (Домна Мироновна) была священническая дочь, неумѣвшая читать и писать. Когда совершилось переселеніе его изъ Рязанской губерніи, Воронину было три года. Изъ дѣтей своихъ онъ только одного сына обучилъ грамотѣ. Эта счастливая доля досталась Ивану Григорьевичу, любимцу матери, будущему поэту, чему завидовалъ старшій братъ его и частенько за это поколачивалъ его, называя „баринотъ“.

Семи лѣтъ отдали Ваню учиться грамотѣ къ кантонисту, въ послѣдствіи зятю его, Орлову, который прошелъ съ нимъ церковную азбуку, псалтирь и котихизисъ и началъ

заниматься письмомъ и ариеметикой. При этомъ Воронинъ оказалъ блестящіе успѣхи, удивляя своего учителя памятью, такъ какъ, будучи 8 лѣтъ, онъ всякую коөизму могъ прочитатъ на изустъ, а изъ катихизиса за два дня выучивалъ по 10 листовъ. На этомъ остановилось ученіе Воронина. Отецъ его, слыша какъ онъ бойко читаетъ, по праздникамъ, житія святыхъ, сказалъ, что „Ванюшку учить довольно. Намъ вѣдь его не въ казенную палату, а для нашего житья бытъя и это ладно, тѣмъ болѣе, что и деньги 50 коп., при нашихъ обстоятельствахъ, не кое-что“.

Мать Воронина была очень набожная жинщина. Она часто ходила въ церковь и по ночамъ, уединенно отъ всѣхъ, молилась дома. Ея горячія и слезныя молитвы производили глубокое впечатлѣніе на маленькаго Ваню, такъ что онъ когда видѣлъ, пробудившись отъ сна, стоящую предъ образами, на колѣнахъ, и обливающуюся слезами, мать, тотчасъ вскакивалъ съ постели и присоединялся къ материнской молитвѣ. При этомъ мгновенно овладѣвали имъ и сожалѣніе о нечастной судьбѣ матери, проводящей жизнь въ тяжелой нуждѣ и лишеніяхъ, и боязнь лишиться ея навсегда. „Господи!“ шепталъ онъ тогда, помилуй мою маменьку!“ и плакалъ.

Въ первые годы, по переселеніи въ Саратовъ, отецъ Воронина ходилъ на поденщину, а мать торговала кренделями и квасомъ, бродя съ утра до вечера по берегу Волги. Потомъ они, при помощи добрыхъ людей, завели свой калачный курень, и жизнь ихъ матеріально улучшилась,

До десяти лѣтъ Ваня жилъ счастливо въ кругу своего семейства, встрѣчая ласки любящей матери и сестры, Анны Григорьевны. Эта послѣдняя шила на него „кассандрійскія“ рубашки и требовала за это, чтобы онъ кланялся ей въ ноги; но Ваня, по самолюбію своему, упрямылся, и за упрямство свое не разъ получалъ наказанія. Какъ религиозный мальчикъ, онъ неопустительно ходилъ, по праздни-

камъ, въ церковь, а послѣ того, съ большой охотой, читалъ житіи святыхъ, что всѣмъ нравилось, особенно матери, которая, со слезами на глазахъ, часто говорила: „Вотъ у меня, Ваня, когда умру, въ поминъ души, псалтирь почитаетъ!“ А Ванѣ отъ этихъ словъ становились жутко, и на глазахъ его наворачивались слезы. Отъ частыхъ посѣщеній церковныхъ службъ, отъ чтенія четь—миній воображеніе его уносилось въ тѣ священныя мѣста—пустыни и вертепы, гдѣ, въ подвигахъ поста и молитвы, проводили время св. Божіи люди, взоръ переносили на лики Спасителя и Богоматери, и душа его наполнялась благоговѣйнымъ трепетомъ и уминеніемъ.

Остальное время дѣтскихъ лѣтъ Ваня бѣгалъ по берегу Волги, гдѣ онъ заглядывался на гребныя суда съ распущенными бѣлыми порусами и заслушивался бурлацкихъ пѣсенъ, далеко разносившихся по широкому роздолью.

Десяти лѣтъ онъ лишился матери, и эта утрата дорогого ему человѣка глубоко потрясла его. Вотъ что писалъ онъ въ послѣдствіи, вспоминая объ ней.

Рѣдко проходитъ ликующій день,

Чтобъ не мелькнула мнѣ милая тѣнь.

Ты мнѣ припомнилась скорбно-печальная,

Мать несчастливая, многострадальная,

Съ скорбною душой въ привѣтныхъ очахъ,

Съ нѣжною лаской на блѣдныхъ устахъ!

Какъ тяжела была жизнь твоя бѣдная,

Доля суровая, доля безслѣдная!

Все на груди ты своей пронесла,

Все ты же ты вѣру въ душѣ сберегла.

Помню дни трудные, дни невеселые,

Дни нищеты безотраднo—тяжелые,

Всю твою съ долей суровой борьбу,

Съ горькимъ рыданьемъ святую мольбу.

Помню кладбище и небо спокойное,

Пѣнье надгробное, солнышко знойное,
 Чудно пестрѣвшіе полевъ цвѣты,
 Полныя грусти покоя черты...
 Дума ли вѣчная въ нихъ отражалась,
 Въ мигъ тотъ, когда ты съ землею прощалась,
 Или вся жизнь пронеслась предъ тобой
 Съ грустной, печальной своей ногой?

Послѣ смерти матери въ судьбѣ Воронина произошла перемѣна къ худшему... Но послушаемъ, что говоритъ онъ самъ о своей жизни за это время. „Одиннадцати лѣтъ“, пишетъ онъ, „я со старшимъ братомъ поступилъ на службу въ булочный курень купца Смирнова въ Саратовѣ. Не лишнимъ будетъ сказать, что курень этотъ походилъ скорѣе на тюрьму, именно: земляной полъ, желѣзныя рѣшетки у оконъ, темныя закоптѣлыя стѣны, и когда я впервые вошелъ въ это подземье, здѣсь кишѣло человѣкъ тридцать народа; здѣсь были и Рязанцы, и Ярославцы и Астраханцы, народъ, который прошелъ огонь и воды и всякія мѣдныя трубы, словомъ здѣсь были собраны всѣ пройдохи изъ разныхъ губерній, начиная отъ крестьянъ и кончая купеческими сынками, промотавшими заблаго отеческій капиталъ. И вотъ среди этого-то общества прошли мои лучшіе годы, и тяжелый темный слѣдъ оставили они въ моей душѣ; здѣсь-то, въ этомъ грязномъ омутѣ разврата и невыносимаго труда я прожилъ около семи лѣтъ, усвоивая всѣ качества, всю характеристику моихъ сотрудниковъ и руководителей. Пьянство, развратъ и всякія подлости разнообразили нашу жизнь, въ нихъ однихъ мы находили отраду души; но и въ эти минуты проклятій и оргій, чудный свѣтлый образъ матушки рождался въ моемъ воображеніи. И еще болѣе свѣтлый образъ божественнаго Искупителя напоминалъ мнѣ, что я когда-то былъ не такимъ отвратительнымъ существомъ“.

Занятія Воронина въ булочномъ куренѣ были слѣдующія: цѣлый день, не смотря ни на какую погоду, даже при

30 градусномъ морозѣ, онъ торговалъ, всю ночь почти работалъ, и отъ этой тяжелой жизни, при плохой одеженкѣ, положительно изнемогалъ и физически и нравственно, но дѣваться было не куда. Отецъ его, лишившись жены, немогъ вести дѣла, а потомъ, къ несчастію сына, еще женился.

Но вотъ судьба нѣсколько сжалилась надъ Воронинымъ. Зять его, Орловъ, открылъ свой калачный курень и Воронинъ перешелъ къ нему. Здѣсь ему стало „посвободнѣй“ и здѣсь онъ немного „образумился“, сталъ читать священное писаніе, которое благотворно дѣйствовало на его душу. Отсюда началось его знакомство съ Саратовскими семинаристами.

Воронинъ написалъ 57 стихотвореній и десять прозаическихъ статей. Первоначально они печатались въ „Справочномъ листкѣ г. Саратова“ и нѣкоторыхъ другихъ періодическихъ изданіяхъ, а потомъ они были собраны и напечатаны въ трехъ отдѣльныхъ книгахъ. Въ первой книгѣ (изд. въ 1870 г.) напечатаны одни стихотворенія. Во второй (изд. въ 1877 г.) и въ третьей (изд. въ 1883 г.) повторяются старыя стихотворенія съ дополненіемъ нѣкоторыхъ новыхъ произведеній, преимущественно прозаическихъ. Въ послѣдней книгѣ стихотворенія исправлены, но, къ сожалѣнію, уменьшены въ количествѣ и напечатаны въ отдѣлѣ приложений. Такая строгость автора къ своимъ произведеніямъ вызвана нападками современной критики, которая только сбивала его съ толку. Напр., одни рецензенты находили, что только прозаическія статьи Воронина хороши, а стихи плохи; другіе напротивъ утверждали, что Воронинъ въ стихахъ своихъ пойдетъ далеко, а съ прозою погибнетъ.

Стихотворенія Воронина задушевные, мѣстами народныя, проникнуты любовью къ родинѣ, теплымъ участіемъ къ труженникамъ науки и литературы, жалостью ко всякаго ро-

да бѣднымъ и униженнымъ людямъ и благоговѣніемъ къ великимъ реформамъ Императора Александра II. Всякое несправедливое оскорбленіе, а тѣмъ болѣе притѣсненіе, или насиліе возмущаютъ его до глубины души. Тогда съ сильнымъ негодованіемъ возстаетъ онъ противъ дерзкихъ нарушителей мирнаго теченія безобидной человѣческой жизни и дѣлается ихъ грознымъ обличителемъ.

Въ прозаическихъ статьяхъ своихъ Воронинъ высказался полнѣе, шире и глубже, чѣмъ въ стихотвореніяхъ. Широкой кистью, въ качествѣ художника—публициста изображаетъ онъ разнообразный міръ приволжской жизни. Тутъ являются у него на сценѣ, купцы, прикащики, рабочіе люди, мелкіе чиновники и литераторы. Всѣмъ имъ онъ воздаетъ должное изображая ихъ такъ, какъ они есть въ своей праздничной и будничной жизни. Въ тоже время дѣйствія и слова ихъ онъ подвергаетъ критикѣ, съ одной стороны бичуетъ деспотизмъ, развратъ, погоню за наживой, кулачество и т. п.; съ другой стороны соболѣзнуетъ объ униженныхъ и оскорбленныхъ погибающихъ отъ насилія, нужды и горя. Въ рецензіяхъ своихъ онъ дѣлаетъ своеобразную оцѣнку такихъ замѣчательныхъ поэтовъ, какъ Некрасовъ, Никитинъ, Суриковъ. Въ нихъ онъ не подлаживается подъ мотивы и взгляды другихъ критиковъ и литераторовъ, а критикуетъ такъ, какъ самъ чувствуетъ и понимаетъ, нисколько не боясь того, какъ отнесутся къ нему другіе.

Воронинъ не оцѣненъ по достоинству своими современниками. Столичная печать отзывалась о произведеніяхъ его какъ-то нерѣшительно, глухо и слабо. Мѣстные же органы *) печати неодобряли его стихотвореній, хотя и печатали ихъ на стоихъ страницахъ. Но порицать гораздо легче, чѣмъ находить достоинства въ творествѣ автора. Находя такіе отзывы о сочиненіяхъ самоучки—Воронина незаслуженны-

*) См. стр., между прочимъ, статью Цапкина въ „Сарат. лист.“ за 1877 годъ.

ми, мы съ своей стороны скажемъ, что Воронинъ сдѣлалъ болѣе, чѣмъ можно было ожидать. Вѣдь онъ ни въ какой школѣ не учился, едва выучился писать и то безграмотно, вращался въ кругу темныхъ неграмотныхъ калачниковъ и рабочаго люди! Нечего говорить о томъ, какъ среда эта темна и груба, какъ въ ней мало свѣта и правды, и что долженъ былъ чувствовать жившій въ ней такой любовна- тельный и честный человекъ, какъ Воронинъ! А между тѣмъ онъ выработался до правильнаго размѣра и звучности стиха, а въ прозаическихъ статьяхъ своихъ высказалъ много умныхъ, дѣльныхъ мыслей и притомъ хорошимъ слогомъ. Въ этомъ мы видимъ его великую заслугу. Жаль только, что злѣйша — смерть неожиданно и рано унесла его въ могилу!

Сами мы крѣпко убѣждены въ томъ, что сказали о произведеніяхъ Воронина одну правду. Чтобы убѣдить въ томъ же читателя, приводимъ ниже слѣдующія выдержки изъ его сочиненій, въ которыхъ ярко выступаютъ ихъ характеръ и направленіе.

Изъ письма о христіанскомъ воспитаніи

(Молодому другу).

Что такое воспитаніе вообще, Вамъ, конечно, извѣстно; въ наше время столько издается книгъ и журналовъ по предмету воспитанія, что было бы излишне распространяться о немъ, но о воспитаніи религіознаго чувства въ дѣтяхъ, ознакомленія ихъ съ христіанскимъ ученіемъ, — мнѣ очень мало приходилось читать. Эгого важный и необходимый предметъ въ системѣ воспитанія какъ будто обходятъ, или даютъ ему самое незначительное мѣсто. Вслѣдствіе такого порядка вещей, мы не рѣдко видимъ людей образованныхъ, но непросвѣщенныхъ, обладающихъ большими познаніями, но находящихся въ религіозномъ невѣжествѣ: у нихъ умъ развитъ, но сердце остается въ первобытномъ невѣже-

ствѣ. И вотъ мы созерцаемъ такую паразитическую картину жизни: мы видимъ, что люди образованные обворовываютъ банки, банкротятся, торгуютъ своею совѣстью и честью, съ насмѣшкой относятся къ браку, попираютъ самыя священныя основы общества и государства и наконецъ рѣшаются на убійства и самоубійства. Народъ русскій смотритъ на это хищное племя, сторонится отъ него и произноситъ свой справедливый приговоръ: „Бога они не боятся, людей не стыдятся—чего же отъ нихъ ждать?“ Въ настоящее время много пишутъ и предлагаютъ мѣры для уврачеванія зла, какъ будто оно явилось со вчерашняго дня, но очень мало вникали въ сущность и историческую послѣдовательность того индефферентизма, плоды котораго теперь достаточно уже созрѣли. Со времени шестидесятыхъ годовъ, когда уничтожились крѣпостное право, а съ нимъ вмѣстѣ уничтожилось всякое безправіе, было ли въ нашемъ образованномъ обществѣ религиозное познаніе? И понималось ли христіанское ученіе во всей своей чистотѣ и величіи? Сомнительно! И тогда уже нашъ интеллигентный крѣпостникъ, или взяточникъ, или кулакъ—купецъ едва ли имѣли должное понятіе о религіи. И тогда уже они неизменно называли служителя алтаря, какъ „попомъ“ и смотрѣли на него съ нескрываемой улыбкой. Такъ можетъ ли быть удивительно, если ихъ дѣти дѣлаются атеистами? Если бы были нѣкоторые элементы въ образованномъ обществѣ съ христіанскимъ воззрѣніемъ и религиознымъ воспитаніемъ, такъ они составили бы меньшинство, на примѣръ: кто читалъ въ шестидесятыхъ годахъ нашихъ славянофиловъ? Небольшая группа людей, тогда какъ журналы „Современникъ“, „Русское Слово“, переводныя книги Бокля, Мошота, Вюхнера—читало все наше грамотное юношество и весьма понятно, какія идеи и убѣжденія оно выносило изъ этого чтенія. Но взгляды и теоріи вышеозначенныхъ фізіологовъ имѣли громадное вліяніе на умы и потому еще, что духовная литература

была слаба, критическіе разборы означенныхъ фیزیологовъ не переводились на русскій языкъ, а главное,—нашъ русскій юноша не имѣлъ семейнаго религіознаго воспитанія, и сущность христіанскаго ученія была ему почти незнакома. Мы это говоримъ на основаніи жизненныхъ наблюденій. Мудрено ли при такомъ положеніи дѣла, что пытливый молодой умъ не находилъ опоры ни въ своемъ религіозномъ чувствѣ, ни въ познаніяхъ, чтобы критически отнестись къ ложнымъ ученіямъ? Тѣмъ менѣе могъ онъ сдѣлать имъ надлежащую оцѣнку!

Меня всегда поражало то глубокое невѣжество въ познаніи христіанства, которое приходилось встрѣчать мнѣ въ нашихъ интеллигентныхъ людяхъ, невѣжество въ такихъ обыкновенныхъ, по видимому, предметахъ, которые извѣстны каждому мало-мальски читавшему Священное Писаніе. Такъ, напримѣръ, однажды на пассажирскомъ пароходѣ ѣхали со мной: помѣщикъ, получившій воспитаніе и образованіе въ Петербургѣ и образованный еврей; сперва разумѣется шель общій разговоръ, а потомъ завязался споръ у помѣщика съ евреемъ о религіи, въ концѣ концовъ еврей ставилъ въ тупикъ помѣщика, нападаая преимущественно на обрядовую сторону христіанства, и помѣщикъ невольно начиналъ уже затрудняться. Принявъ сторону помѣщика, я сталъ доказывать еврею важность обрядовой стороны не только христіанства, но и религіи израильскаго народа; я доказывалъ ему на основаніи библіи, какъ важны были для израильскаго народа формы религіи, и что нѣтъ ни одной религіи во вселенной, которая бы не имѣла своихъ обрядовъ, или выраженія своей сущности. Въ заключеніе я сказывалъ еврею: если бы израильтяне не имѣли своихъ обрядовъ, то давно бы утратили и вѣру свою—вотъ какъ важны обряды для каждой религіи! Въ слѣдующій разъ мнѣ пришлось ѣхать уже съ ученымъ докторомъ и достаточно образованнымъ полякомъ; тутъ же случился и необразован-

ный пожилой купецъ, ѣхавшій по дѣламъ въ Нижній. Купецъ этотъ въ общемъ разговорѣ передалъ свое впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ театра, при представленіи пьесы „Сестра Терезы“, гдѣ вносится аналой и крестъ на сцену. По этому поводу купецъ порицалъ пьесу и выразилъ желаніе, чтобы подобныя предметы не выносились на сцену, такъ какъ театръ, чтобы тамъ ни говорили о его значеніи, всетаки составляетъ зрѣлище, забаву, — хотя бы и разумную забаву. Этому купцу полякъ возразилъ, что, по невѣжеству своему, купецъ не понимаетъ искусства и его воспитательнаго значенія, что въ древнее время такія были пьесы, что изображали на сценѣ много религіозныхъ предметовъ, — конечно, это было не въ Россіи, — говорилъ полякъ, а въ католическихъ государствахъ; даже являлись на сцену кардиналы во всѣхъ своихъ облаченіяхъ и трактовали о самыхъ высокихъ предметахъ. Ученый докторъ развилъ эту мысль поляка еще глубже, и началъ доказывать купцу, что самое богослуженіе есть изображеніе событій изъ жизни Христа, „т. е. своего рода представленія“, — говорилъ онъ. И такія возрѣнія ученаго доктора вывели меня, наконецъ, изъ терпѣнія своимъ кощунствомъ и той ироніей, съ которой онъ позволялъ себѣ говорить о богослуженіи. Я возразилъ ученому доктору: что богослуженіе, какъ напримѣръ литургія, изображаетъ не только событія изъ жизни Спасителя но въ ней совершается великое таинство, и каждое таинство, кромѣ своего обряда, заключаетъ въ себѣ глубокій смыслъ, непонятный только невѣждамъ, а потому, прежде чѣмъ судить о богослуженіи, нужно, конечно, знать его. Ученый докторъ перешолъ потомъ на другую почву, — къ разсужденію объ истинности Св. Писанія. Когда онъ коснулся этого предмета, я поставилъ ему выборъ доказывать, что по его убѣжденію истинно и что не истинно. И наконецъ сдѣлалъ ему вопросъ: чѣмъ болѣе распространялось христіанство? Словомъ ли или чудесами?

Ученый доктор смутился и не нашелся, что отвѣтить. Ибо сказать, что оно распространялось только словомъ, это было бы вопреки евангельскому сказанію, которое говоритъ, что слово апостоловъ утверждалось знаменіями и чудесами,—если же признать эти послѣднія, то у насъ и спора бы не могло быть съ нимъ. Приводя эти два примѣра, я умалчиваю о другихъ многочисленныхъ, которые мнѣ приходилось встрѣчать. Между тѣмъ, кто не знаетъ, какъ важно религіозное воспитаніе и познаніе христіанства, къ которому такіе раціоналисты, какъ Бокль, относятся съ величайшимъ уваженіемъ.

Религіозное чувство воспитываетъ въ сердцѣ дитяти разумная семья, преимущественно мать, а потомъ церковь, и кто не обладаетъ этимъ чувствомъ,—тотъ несчаствѣйшій человѣкъ въ мірѣ: онъ не испытываетъ высокаго утѣшенія религіи—ни въ борьбѣ жизни, ни въ лишеніяхъ своихъ кровныхъ, и не способенъ на самоотверженіе. Эгоизмъ, самый грубый, и холодное сердце—вотъ отличительная черта людей, не обладающихъ вѣрою, или потерявшихъ ее, но и вѣра безъ дѣлъ мертва есть: истинное просвѣщеніе не въ томъ только, чтобы обогатить познаніями умъ, но и воспитать добрыя, благородныя чувства къ людямъ. Познанія не принесутъ плодовъ, если не будутъ направлены любовью къ человѣчеству, а потому христіанское воспитаніе должно быть самымъ важнымъ предметомъ; оно, конечно, зависитъ не столько отъ наставленій и поученій, сколько отъ впечатлѣній, западающихъ на глубину дѣтской души въ самомъ нѣжномъ возрастѣ. Поэтому весьма важное и даже самое существенное условіе при воспитаніи религіознаго чувства дитяти—это люди, которые окружаютъ ребенка.

Если люди хороши, то и впечатлѣнія будутъ добрыя, если люди дурны, то и впечатлѣнія будутъ злыя. Съ избраннымъ избранъ будешь, съ строптивымъ—развратишься, говоритъ царь Давидъ.

У насъ нерѣдко говорятъ, что и у хорошихъ родителей бываютъ дурныя дѣти, и у дурныхъ родителей хорошія дѣти. Разумѣется, бываютъ исключенія: бываютъ такія благородныя натуры, что невѣжество и развратъ производятъ на нихъ претивоположное вліяніе, поселяютъ въ душѣ отвращеніе къ пороку и толкаютъ умъ и сердце на путь просвѣщенія. Но такія натуры составляютъ исключеніе; въ большинствѣ же законы жизни таковы—что посѣешь, то и пожнешь.

Минувшая война.

Затихли мирные покосы

На русскихъ нивахъ и лугахъ,

И страшные встаютъ вопросы

Тамъ на дунайскихъ берегахъ.

Туда задвигались, какъ волны,

Полки, родной отваги полны,

На пиръ кровавый, страшный бой,

Все дѣти родины святой!

Вотъ солнце яркими лучами,

Блестя трехъ-гранными штыками,

Встрѣчаетъ съвера сыновъ,

Освободителей рабовъ.

Вдали сивѣются Балканы,

Подъ небомъ ясно-голубымъ,

Поднявъ главы, какъ великаны,

Внимая тучамъ громовымъ;

А здѣсь Дунай, шумя волнами

Между крутыми берегами,

Воспоминаній грозныхъ битвъ

Свидѣтель крови и молитвъ,

Предъ русской ратью боевою

Все также плещетъ онъ волною.

О волны быстрыя Дуная

Вы слышали среди вѣковъ
 И звукъ цѣпей родного края,
 И вопль измученныхъ рабовъ!
 Смиритесь: радость и свободу
 Страдалцу, бѣдному народу,
 Изъ русской дальней вамъ земли
 Съ собою наши принесли!
 Ужъ развѣваются знамена,
 Гремятъ орудія, какъ громъ,
 Сверкаютъ молніи кругомъ,
 Всѣ ждуть тяжелаго урона.
 Свершилась скоро переправа,
 И не въ первой, герои, вамъ!
 Вы рождены на страхъ врагамъ,
 Безсмертный подвигъ—ваша слава!
 А тамъ, на родинѣ великой,
 Народъ, передъ Царемъ Владыкой
 Колѣна въ храмахъ преклонивъ,
 Внималъ божественный призывъ.
 Страданья дальнаго Востока
 Коснулись скорбно и глубоко
 Царя, вельможъ и богачей
 И въ бѣдной хижинѣ людей.
 У всѣхъ тутъ мысль одна была
 И всѣхъ на жертвы насъ звала.
 Самъ Государь на склонѣ дней,
 Призвавъ и братьевъ и дѣтей,
 Благословясь, повелъ дружины
 На грозныя Болканъ вершины,—
 Гдѣ среди мятелей и снѣговъ,
 Какъ гнѣзда Царственныхъ орловъ,
 Войска дорогу пролагали
 И батареи воздвигали.
 О Шибка! твой ли страшный бой

Не удивилъ враговъ и міра?
А нашъ салдатикъ, нашъ герой
Съ могучей волей и душой,
Достойной Данта и Шекспира,
(Чтобы воспѣть его дѣла)
Стоялъ онъ грудью, какъ скала.
А волны грозно поднимались,
Ревѣли дико, разбивались,
Но Шибка славу берегла!
И Плевна роковой судьбою
Своею страшною борьбою
Намъ доказала мощь врага.
Свобода! Какъ ты дорога!
Какой цѣной тебя купили,
Какой жертвой умолили,
Россія жертву ту несла
И Плевну кровью залила!
Тамъ вождь нашъ Царственной главою
Поникъ предъ волею святою—
Того, кто Царь земныхъ Царей,
Создатель міра и тварей.
И вотъ— услышана молитва,
Зомолкли громы, стихла битва,
Даны свобода и права,
Смирились дикіе тираны,
Россія лечитъ свои раны,
Встрѣчаетъ гвардію Нева.
Но вотъ отверженцы Россіи,
Безумцы здѣсь, въ землѣ родной,
Поправъ озлобленной душой
Всѣ убѣжденія святыхъ,
Хотятъ преступною рукою
Отнять порядокъ, миръ отнять,
И нашу родину святую

Цареубійствомъ запятнать!
Но Божьимъ промысломъ хранимый
И всей Россіею любимый,
Пребудетъ онъ, среди владыкъ
И благородень и великъ!

П Ъ С Н Я.

Не заря ли, не свѣтель мѣсяць,
Не звѣзда ли полуночная,
Что ни солнышко привѣтное,
Изъ за тучъ на землю глянуло:
Нашъ Державный Православный Царь
Въ зеленомъ саду разгуливалъ, —
Въ зеленомъ саду разгуливалъ
Думы царскія придумывалъ.
Какъ пригожій Государевъ ликъ
Отъ гульбы той ни румянился, —
Соколиный взоръ привѣтливый
Грустью темною туманился...
Ой, Ты, батюшка, Державный Царь,
Наше солнышко привѣтное!
Что за горе, за невзгодушка
Ликъ Твой царскій опечалила?
Али Русь Твоя могучая
Не сдержала слова царскаго,
Аль въ бою кровавомъ дрогнула,
Отступила передъ ворогомъ?
Аль мы Господу не молимся,
Али словъ Твоихъ не слушаемъ,
За Тебя ли Отца нашего,
Не творимъ молитвы теплыя?
Аль Тебя, Царя любимаго
Непокорностью прогнѣвали?
Аль Твои заботы — думушки

По святой Руси не вѣдали?
Какъ не то крушить Державнаго,
Государя православнаго...
Ой, тяжель ты, золотой вѣнецъ!
Тяжела ты, слава царская!
Далеко въ чужбинѣ за моремъ
Съ голубыхъ небесъ по зорюшкѣ
Звѣзда ясная скатилася,
Огнемъ вѣщимъ озарилася:
Дитя царское любимое
На чужой землѣ скончалося—
И вокругъ него голубушка
Одинокю увивалася!
Ворковала та голубушка!
Охъ, дитя, дитя ты Царское,
Поднебесный молодой Орелъ!
Какъ вскормили—то взлелѣяли
Тебя вьюги—непогодушки,
Лѣса темные, дремучіе,
Степи вольныя просторныя!
Спишь ты крѣпко, не пробудишься,
Не восплачешь, не стоскуешься...
И какія жъ волны шумныя
Крѣпкій сонъ твой убаюкали,
Вѣтры буйныя съ чужихъ морей
Вздохъ послѣдній порозмыкали?
Вотъ несется богатырь—корабль
Быстрѣй сокола залетнаго:
Только стонуть волны шумныя,
Только вѣютъ вѣтры буйныя,
Паруса на немъ бѣлѣются,
Словно крылья лебединыя;
А на мачтахъ флаги черныя
Подъ туманами виднѣются...

Дитя царское любимое
 Вѣчнымъ сномъ на немъ покоится, —
 И объ немъ—то Русь крещеная
 Со слезами Богу молится.

Изь „Былины“.

Какъ надъ Волгой, надъ широкою,
 Надъ родимой ли кормилицей,
 Въ православномъ было городѣ
 Во торговомъ во Саратовѣ!
 Какъ стряслась бѣда нежданная,
 Слышны рѣчи небывалыя.
 Слышь, въ хоромы да въ боярскія
 Забрались башки удалыя!
 Въ полночь темную ненастную
 Загубили души чистыя—
 Мать и дочь, голубку сизую,
 Два злодѣя ненавистные, —
 Два злодѣя, да помощница,
 Ихъ разбойничья любовница.
 Что развратница безбожная,
 Что змѣя ли подколодная!
 Молодой она боярынь
 Въ дому няней называлася:
 Та вокругъ ея голубушка
 Безпечально увивалася!
 Молодое сердце чуткое
 Черной думы, звать, невѣдало,
 Твоя русая головушка
 Подъ злодѣйскій ножъ готовилася!
 Что ты, грѣшница, затѣяла?
 Что, развратница, замыслила?
 Чья душа тебѣ повѣрила,

Отогрѣла и лелѣяла?

Поразить тебя небесный громъ,

Туча Божья собирается...

Предъ тобой дитя безгрѣшное,

Словно Ангель, улыбается!

Да, душа твоя не дрогнула,

Пролилася кровь невинная.

Изъ стихотв. „Гласный судъ“.

Вотъ, наконецъ, у гласный судъ!

Хвала тебѣ, нашъ Царь державный,

Отецъ народа православный,

Добра божественный сосудъ,

Ты далъ великому народу

Его завѣтную свободу

И правый судъ—всѣхъ дѣлъ вѣнецъ,

Безсмертный подвигъ Твой—Отецъ!

Неувядаемой славой

Пріосѣненное чело,

Какъ благородно и свѣтло,

Россіи Ангель величивый!

Какою чудной добротой

Твой ликъ сіяетъ предо мной,

Небесной воли Исполнитель,

Мой Государь Освободитель!

Домчится ль это звукъ простой

Къ Тебѣ безвѣстнаго поэта,

Чье сердце радостью согрѣто

Величьемъ дѣлъ и красотой?

Забыты горькія страданья

Въ волнахъ насимаго пловца;

Я вижу берегъ и Отца—

Въ душѣ святое упованье!

Изъ стихотв. „Народной учительницѣ“.

Покинувъ дѣтское веселье
 И жизни суетной бездѣлье
 Дорогой новой ты пошла—
 Туда, гдѣ умственная мгла...
 И ночь, и дикія понятья,
 И брань, и бѣдность и проклятья
 Нерѣдко грязною волной
 Шумятъ надъ женщиной—рабой.
 Тамъ свѣточъ истины Христовой
 Почти не свѣтитъ, не горитъ,—
 И мракъ невѣжества суровый
 Твой юный умъ еще страшитъ.
 Не бойся! Призракъ то ужасный!
 Сознанья бодрого полна,
 Люби, люби народъ несчастный
 И сердцемъ будь ему вѣрна!
 О не страшись дороги новой!
 Хоть ждетъ тебя вѣнокъ терновый,
 Но есть ли чище и святѣй
 Возвышенной любви дѣтей?
